

«Мировая революция» в русском анархизме

The "World Revolution" in Russian Anarchism

DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-3-45-57

УДК 323. 22

Получено: 03.09.2023

Одобрено: 15.09.2023

Опубликовано: 25.09.2023

Матюхин А.В.

Д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России института международных отношений и социально-политических наук (факультет) Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий Национального исследовательского Московского государственного строительного университета.

e-mail: avmpl@mail.ru

Matiukhin A.V.

Doctor of Political Sciences, Docent, Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences (faculty) Moscow state linguistic University, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities and Technologies of the National Research Moscow State University of Civil Engineering.

e-mail: avmpl@mail.ru

Мезенцев С.Д.

Д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета.

e-mail: perevolochnoe@mail.ru

Mezentsev S.D.

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History and Philosophy of the National Research Moscow State University of Civil Engineering.

e-mail: perevolochnoe@mail.ru

Аннотация

Целью данной статьи является выявление специфики теории «мировой революции» в идейно-политическом наследии русского анархизма. Для написания статьи активно применялись исторический, сравнительный, герменевтический *методы* научного исследования. Идеологи отечественного анархизма в своей интерпретации «мировой революции» конкурировали с марксистским учением, с его популярной диалектической теорией общественно-экономических формаций и классовой борьбы, где завершающей стадией исторического прогресса должно было стать достижение глобального коммунизма. Отвергая марксистскую концепцию «диктатуры пролетариата», русские анархисты исходили из альтернативной методологии, заостряющей главенство природных, биологических факторов общественных процессов. По убеждению анархистов, базовым фактором прогресса является природная склонность людей к солидарности и взаимопомощи. Отсюда проистекало противопоставление русскими анархистами естественного характера эволюции человечества любым «принудительным» формам социальной организации. Это относилось, прежде всего, к институту государства, независимо от его внешней формы – коммунистического, либерально-демократического, деспотического. Базовыми параметрами общественного идеала в теории русского анархизма являлись принципы безвластия и свободы, выстраивание социального

бытия на основе самоорганизации, самоуправления и глобальной децентрализованной конфедерации, структурированной «снизу - вверх». Прежние территориально-политические границы отменялись, нации упразднялись. Достижение этого идеала виделось анархистам исключительно революционным путем, постепенно охватывающим все новые страны, регионы, континенты. В *выводах* подчеркивается постоянная апелляция русских анархистов к аргументам общечеловеческой морали - «свободе», «справедливости» «братству», «справедливости», «равенству» в обосновании необходимости мировой анархической революции, что на практике оборачивалось политическими абстракциями, имеющими деструктивные последствия для обществ. В тоже время отмечается «вторичность» идеологии русского анархизма как интеллектуального продукта по отношению к марксизму и естественнонаучным теориям XVIII-XIX веков, а также склонность анархистов к утопическому мышлению, к умозрительному выстраиванию своего глобального общественного идеала.

Ключевые слова: русский анархизм, марксизм, мировая революция, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, взаимопомощь, государство, свобода, безвластие, самоорганизация, децентрализация, глобальная федерация, радикализм.

Abstract

The purpose of this article is to identify the specifics of the theory of the "world revolution" in the ideological and political heritage of Russian anarchism. Historical, comparative, hermeneutic methods of scientific research were actively used to write the article. The ideologists of Russian anarchism in their interpretation of the "world revolution" competed with Marxist doctrine, with its popular dialectical theory of socio-economic formations and class struggle, where the final stage of historical progress was to be the achievement of global communism. Rejecting the Marxist concept of "dictatorship of the proletariat", the Russian anarchists proceeded from an alternative methodology that emphasizes the primacy of natural, biological factors of social processes. According to anarchists, the basic factor of progress is the natural inclination of people to solidarity and mutual assistance. Hence the Russian anarchists opposed the natural nature of the evolution of mankind to any "forced" forms of social organization. This applied, first of all, to the institution of the state, regardless of its external form – communist, liberal-democratic, despotic. The basic parameters of the social ideal in the theory of Russian anarchism were the principles of anarchy and freedom, the building of social existence on the basis of self-organization, self-government and a global decentralized confederation structured "from the bottom up". The former territorial and political borders were abolished, nations were abolished. The anarchists saw the achievement of this ideal as an exclusively revolutionary way, gradually embracing all new countries, regions, continents. The article emphasizes the constant appeal of Russian anarchists to the arguments of universal morality - "freedom", "justice", "brotherhood", "justice", "equality" in justifying the need for a world anarchist revolution, which in practice turned into political abstractions with destructive consequences for societies. At the same time, the "secondary" ideology of Russian anarchism as an intellectual product is noted in relation to Marxism and natural science theories of the XVIII-XIX centuries, as well as the tendency of anarchists to utopian thinking, to speculative building of their global social ideal.

Key words: Russian anarchism, Marxism, world revolution, M.A. Bakunin, P.A. Kropotkin, mutual aid, state, freedom, anarchy, self-organization, decentralization, global federation, radicalism.

Введение

Политическая категория «мировая революция» более характерна и привычна в рамках словаря ключевых коммунистических терминов. Несомненно, что особую значимость категория «мировая революция» получила в теории К. Маркса и Ф. Энгельса, а в российском марксизме - у Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и др. Анархисты же, находясь в идеологической конкуренции с марксистами, использовали категорию

«мировая революция» не столь широко, но концептуально претендовали, как и коммунисты, на мировой охват реализации своего революционного проекта.

Со второй половины XIX века ведущими представителями мировой анархической мысли становятся русские теоретики данного направления, перехватив инициативу у крупных европейских идеологов - таких как Годвин, Прудон, Штирнер и др. В частности, выдающийся российский философ Н.А. Бердяев, оценивая международное значение анархизма для политической истории, подчеркивал, что он «есть главным образом создание русских» [9, с. 169]. Несомненно, приоритетные позиции здесь принадлежат отечественным теоретикам - Михаилу Александровичу Бакунину (1814-1876) и Петру Алексеевичу Кропоткину (1842-1921), но важно назвать также такие имена русских анархистов, как И. Ветров, А. Боровой, А. Карелин, Я. Новомирский, Л. Черный, Н. Солнцев, М. Корн, О. Виконт, В. Волин, М. Дубинский, В. и А. Гордины, А. Атабекян, Н. Отверженный, Г. Максимов, Н. Березин и др. При этом нацеленность на общемировой, глобальный уровень реализации своего идеологического проекта в русском анархизме была более ярко выражена, чем в западноевропейской анархической теории.

Во многом это было предопределено необходимостью идейной конкуренции с марксизмом, получившим большую популярность как в Европе, так и в России. Марксизм, выработавший методологически стройную диалектическую теорию общественно-экономических формаций и борьбы классов как двигателя прогресса, изначально претендовал на универсальность понимания движения всей мировой истории к коммунистическому идеалу. И вопрос для конкретных народов и стран состоял лишь в фиксации их большего или меньшего стадийного развития, продвижения или отставания по отношению к данному идеалу, а «мировая революция» понималась как исторически протяженный процесс постепенного подключения различных субъектов международной жизни, по мере их прогрессивного классового созревания, к глобальному коммунистическому проекту.

Отсюда в русском анархизме возникла необходимость создания собственной методологии и теории исторического развития, стратегии и тактики достижения политических целей, как и марксизм, претендующих на универсальность и глобальный уровень реализации своего идейного проекта. И важное место здесь отводилось анархической концепции мировой революции.

Отдельные элементы данной тематики нашли отражение в прежних статьях, опубликованных соавтором в «Журнале политических исследований» [31, с. 41-47; 30, с. 3-10; 29, с. 118-126]. Но создание целостной теоретической картины потребовало написания отдельной статьи.

Методы

Для написания статьи применялись следующие методы исследования: исторический, сравнительный, герменевтический.

С помощью исторического метода выявлялся социально-политический контекст формирования и активного развития теории русского анархизма XIX - начала XX вв., повлиявшего, в частности на концепт «мировой революции». Также были рассмотрены основные проблемы и противоречия взглядов русских анархистов в условиях бурной идейной борьбы данного исторического периода.

Применение сравнительного метода было обусловлено необходимостью учета формирования теоретической позиции русских анархистов в рамках полемики и конкуренции с учением марксизма. В этой связи, в статье была показана определенная «вторичность» интеллектуальных усилий и идейных результатов представителей отечественного анархизма по отношению к марксистской методологии и тематике общественного развития.

Использование герменевтического метода было необходимо с целью понимания основных методологических и теоретических подходов русского анархизма, связанных с проблематикой «мировой революции». Внимательно была изучена источниковая база значительного массива теоретических работ представителей отечественного анархизма, выявлена методологическая

направленность анархистов на интерпретацию биологических, природных факторов функционирования и развития человеческих сообществ, определены социальные параметры анархистского идеала, показана роль революции в анархистской трактовке мирового развития.

Результаты анализа

Начиная с М.А. Бакунина, у отечественных идеологов анархизма в качестве теоретической основы поиска законов и закономерностей общественного развития были предельно заострены биологические факторы и роль природных инстинктов в человеческой среде. «Человечество есть ни что иное как высшее проявление животного мира» [3, с. 5] - писал Бакунин, и подчеркивал, что ключевую роль в функционировании, выживании и развитии животных и социальных организмов играют два разновекторных природных инстинкта – индивидуалистический и социальный. Эти инстинкты взаимно балансируют и дополняют друг друга, позволяя, с одной стороны совершенствовать породу, а с другой – сохранять и укреплять ее. В человеческом обществе это преломляется в качестве сочетания эгоистического начала, развивающего индивидуальность и осознание ценности свободы, и начала социального, альтруистического - как понимания взаимной зависимости людей друг от друга, от коллективностей и общества в целом. Тем самым, по мнению Бакунина, в сообществах людей объективно реализуется заложенный природой универсальный принцип солидарности. «Социальная солидарность, - отмечал он, - является первым человеческим законом» [7, с. 97].

Схожую методологическую позицию занимал и П.А. Кропоткин, используя категорию «взаимопомощь» в качестве базового универсального принципа существования мира природы и человека. «Общество..., замечал он, - не было выдуманно человеком, оно существовало раньше появления первых человекоподобных существ» [22, с. 4]. Любые человеческие коллективности лишь воспроизводят формы организации сообществ более низкого биологического уровня среди насекомых и животных, а выживание любого из видов сообществ становится возможным благодаря природному инстинкту взаимопомощи у всех биологических особей. Муравьи, например, подхватывают пострадавшего собрата и относят его в безопасное место. Таким образом, универсальный принцип взаимопомощи отражает заложенный природой и биологический, и моральный аспект функционирования и развития сообществ.

Исходя из биологической природы социальных процессов, оба главных теоретика русского анархизма акцентировали внимание на естественном характере хода общественного прогресса человечества как вида. В полемике с К. Марксом, М.А. Бакунин предлагает свою оригинальную периодизацию исторических формаций. Открывает его периодизацию стадия «людоедства», далее последовательно идут стадии «рабства», «крепостного права», «наемного труда» (в схеме Маркса это коррелирует с понятием «капитализм»), революции (в лексике Бакунина - «страшный день возмездия»), и, наконец, высшая стадия – «анархия» (у Бакунина - «эра братства») [6, с. 85-86]. П.А. Кропоткин, в свою очередь, обуславливал характер человеческого прогресса последовательным усовершенствованием общественных форм, воплощающих универсальный принцип взаимопомощи. К ранним естественным формам он относил «деревенскую общину» как главную ячейку родового строя, далее – средневековые цеха, гильдии, и, особенно «вольные города» (в Европе - Ганза, Венеция, Брюгге и др., в России - Псков и Новгород), где «жизнь... была полна изобретательности и личного почина» [22, с. 30]. Но высшей общественной формой реализации принципа взаимопомощи, согласно П.А. Кропоткину, должен стать анархический коммунизм. Более того, он выражал уверенность, что «анархия... являлась более или менее сознательным идеалом масс» [25, с. 288].

Естественный характер эволюции всего человеческого общества к глобальному идеальному жизнеустройству противопоставлялся русскими теоретиками анархизма любым «принудительным» и «искусственным» формам социальной организации. В первую очередь, это относилось к институту государственности как противоречащему природе легитимации [33] насилия по отношению к обществу и каждой отдельной личности. Отсюда вытекала

постоянная акцентация неестественности рабского состояния человека в государственной системе. Так, М.А. Бакунин считал любые виды социального рабства неизбежным «следствием существования государства», которое по своей сути является «самым вопиющим...диничным и... полным отрицанием человечности» [8, с. 92], а П.А. Кропоткин замечал, что сама искусственность социализации и воспитания в государстве «так извращает мозг, что само понятие о свободе в нас исчезает и заменяется понятием рабским» [24, с. 191].

По убеждению русских теоретиков анархизма, коренная ошибка марксистов заключается в абсолютизации классового фактора общественного развития, порождающего эксплуататорское государство, в то время как имеет место обратная закономерность – институт государства неизбежно приводит к классовому неравенству, объективному разделению общества на управляющих и управляемых и дальнейшему закреплению этого состояния. «Разве можно говорить об уничтожении классов, - писал П.А. Кропоткин, - не касаясь учреждения, которое было орудием для их основания, и которое остается орудием для их увековечения» [25, с. 521]. В этом случае и так называемая «диктатура пролетариата» остается классовым по природе государственным образованием, где класс управленцев коренным образом будет заинтересован в сохранении государства как инструмента своего господства. Характер любого государства как политического института определяется, согласно Кропоткину, «ярко выраженным типом иерархического учреждения, существующего для того, чтобы подчинить всех людей и всевозможные группировки централизованной воле» [25, с. 391]. Это в полной мере гармонировало с идеологической позицией М.А. Бакунина, оперирующего категорией «государственное сословие» как иерархически устроенной и закрытой организацией класса политических и экономических эксплуататоров. Являясь неизбежным порождением искусственного института государства, данное сословие всеми силами стремится сохранить привилегии своего статуса, позволяющего бесконтрольно извлекать социально-экономические выгоды из эксплуатации общества [2, с. 18-27]. «Никакая диктатура, - отмечал он, - не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя» [5, с. 484].

Развивая данные идеи, теоретик русского анархизма начала XX века А.А. Карелин настаивал на том, что «свобода и государство ... - несовместимы» [18, с. 55]. И это в равной степени относится и к деспотическому, и к либерально-демократическому, и к пролетарскому государству. «Всякое государство, - писал он, - держится насилием, грабежом, ужасами, кровью, дикими расправами со своими противниками или с ослушниками воли правителей» [18, с. 36]. Противопоставляя любой форме государственности универсальный анархический идеал человеческого общежития, Карелин указывал на базовые принципы его построения. К таковым он относил социальную ситуацию невозможности какого-либо внешнего принуждения (принцип безвластия), принцип свободы, принцип самоорганизующихся коллективностей на основе взаимопомощи и принцип «самоустройства» (самоуправления) [17, с. 136]. Здесь Карелиным суммировался наработанный теоретический опыт русской анархической мысли как идеологического проекта-предложения обустройства и жизнедеятельности всего человечества.

По убеждению анархистов, общество обретает подлинную свободу (а не иллюзорную, как например, при либеральной демократии) только при отсутствии любого внешнего принуждения над личностью. Так у М.А. Бакунина это соответствовало теории «неделимости свободы», согласно которой свобода возможна лишь при анархии. Иные же общественные устройства, основанные на присутствии принудительного государственного элемента, уничтожают свободу в корне, так как любое ограничение ее части неизбежно ведет к убийству целого. Согласно П.А. Кропоткину, свобода человека достижима лишь при условии отсутствия ее ограничения, когда «каждым управляет исключительно его собственная воля» [20, с. 15]. Отсюда он формулировал идеал будущего жизнеустройства общества, «в котором нет никакой верховной государственной власти, а страна представляет собой вольные союзы, возникающие на основе взаимного договора» [26, с. 7]. Последователь Кропоткина И. Ветров определял в качестве анархически обоснованной цели общественного развития максимальное

достижение «индивидуальной или групповой самодеятельности людей при отсутствии какой бы то ни было насильственной внешней помехи» [12, с. 11].

Основные параметры организации общества, согласно русским анархистам, подразумевали коренную перестройку всей социальной системы, радикально сбросившей с себя за ненадобностью, и даже вредностью весь груз предшествующей многовековой государственной истории человечества. Общественная иерархия, построенная на подчинении низших элементов - высшим заменялась горизонтальным взаимодействием общественных элементов на основе свободного соглашения, вместо субординации торжествовал принцип координации и взаимного согласования. Индивиды на основе своих интересов и потребностей объединяются с другими индивидами, создавая первичные свободные ассоциации в виде общин, коммун, кооперативов, корпораций и т.д. Эти первичные ячейки социальной структуры не имеют очерченных границ и могут территориально варьироваться в зависимости от числа членов и объема выполняемых функций, отражая интересы всего общества. При этом необходимым условием функционирования всей системы первичных ячеек является возможность индивидуальной и групповой горизонтальной мобильности – свободного взаимодействия и перехода в другие ячейки. Принципиальным моментом является организация данных ячеек на основе самоуправления, выборности и постоянной ротации руководителей и координаторов. Государственная и частная виды собственности упразднились и заменялись коллективной собственностью первичных ассоциаций, отношения между которыми будут приобретать исключительно экономический характер, ликвидируя тем самым любые элементы политического управления. «Экономические организации, - заявляла соратница Кропоткина по анархистскому движению Мария Гольдсмит (М. Корн), - должны заменить собой всякую организацию политическую, т.е. государственную» [13, с. 10].

Важно подчеркнуть, что в теории русских анархистов первичные ассоциативные ячейки выполняли роль своеобразного фундамента построения общемировой анархистской системы. Здесь было явное противопоставление государственной системе выстраивания социума по иерархическому принципу «сверху-вниз». Любые территориально-политические границы отвергались как искусственные препятствия естественной общечеловеческой солидарности. На месте прежних государств создавалась анархистская сеть взаимодействия, взаимовлияния и взаимного согласования деятельности различных человеческих коллективностей, принципиально выстроенная «снизу - вверх». Сами русские анархисты чаще определяли данную систему как федеративную, хотя с точки зрения современной политологии ее логично характеризовать в качестве слабой конфедерации.

Теоретики отечественного анархизма настаивали на продуктивности федеративной децентрализации для экономики, культуры и свободного развития человеческих сообществ, противопоставляя ей любые формы авторитарной централизации. Так, согласно М.А. Бакунину, если централизм имеет следствием «удушение свободы», уничтожение «достоинства и процветания индивидуумов и народов», то федерализм как общепланетарная система становится торжеством «великого принципа свободы» и естественной формой объединения всех людей в целях общегуманитарного просвещения, справедливости и процветания [8, с. 21]. У П.А. Кропоткина было целое развернутое учение о федерализме как органической части природы. Согласно автору, весь природный мир структурируется на основе естественного сцепления и взаимодействия мельчайших частиц, «бесконечно малых величин» [16, с. 13]. Следствием этого является образование любых – и физических, и биологических, и социальных тел по принципу «снизу-вверх», далее происходит естественная регуляция их жизнедеятельности и развития. Отсюда, согласно Кропоткину, федеративный (конфедеративный) принцип организации всего человеческого сообщества соответствовал универсальному закону природы и высшим, глобальным проявлением взаимопомощи, когда «благополучие целого зависит от размеров благополучия, которыми пользуются мельчайшие микроскопические частицы организованного вещества» [2, с. 78]. Любая же попытка внешней централизации понималась этим теоретиком русского анархизма как искусственный и враждебный природе процесс.

Специфика видения русскими анархистами устройства будущей глобальной федерации человечества подразумевала признание первичности и неотъемлемости прав индивида перед любой формой коллективности, куда он свободно интегрируется. В свою очередь, более мелкие коллективности (артели, общины, кооперативы и т.д.) также обеспечивались суверенными правами и свободами при вхождении в более крупные объединения, которые тоже сохраняли приоритетность своих прав при интеграции в большие региональные образования, - и так вплоть до общемирового свободного конфедеративного объединения всех народов. При этом любые общественные элементы в данной анархо-федеративной структуре сохраняли за собой право не только вхождения, но и свободного выхода из более широких объединений. «Федерация означает, - отмечал теоретик и практик отечественного анархизма начала XX века А.М. Атабекян, - свободный союз и признание за каждым входящим в этот союз право свободно выйти из него, коль скоро федерация перестает соответствовать его потребностям и стремлениям» [1, с. 6]. Прежние государственные границы отменялись, нации упразднялись. «Место государства, - писал, например, А.А. Карелин, - должны занять союзы и большие объединения вольных селений, вольных городов, вольных областей и вольных стран земного шара» [18, с. 93]. А другой видный русский анархист начала XX века Лев Черный замечал: «В анархии россы, финны, евреи, грузины, малороссы - не враги, а товарищи», подчеркивая, что анархической организации социума глубоко чужды любой национализм, а интернационализм, наоборот, присущ органически [35, с. 290-291].

Здесь важно отметить, что сам принцип национально-государственных объединений признавался русскими анархистами искусственным, и существующим исключительно в интересах не народов, а политических и экономических эксплуататорских элит. «Долой искусственные границы, - призывал М.А. Бакунин, - насильственно проведенные конгрессами деспотов ради так называемых исторических, географических, коммерческих, стратегических необходимостей» [4, с. 11]. Отсюда проистекает и активное отторжение Бакуниным и последующей русской анархистской традицией понятия «патриотизма» как идейной манипуляции подчиненных масс, которую используют элиты в своих клановых интересах. В силу своей искусственности, был убежден Бакунин, сама категория «патриотизм» является ложной и антигуманной, противоречащей общечеловеческой морали. И наоборот – то, что соответствует морали любого человека, – идеи «свободы», «справедливости», «солидарности», «братства», «равенства» имеют не националистический, не патриотический, а универсальный, всемирный характер [6, с. 99].

В этой связи подчеркнем, что характерным признаком теории русского анархизма, как и в целом левых идеологий, является постоянная апелляция к моральным аргументам и категориям в обосновании своей борьбы «за лучшее будущее человечества». Моральным аргументам здесь априори присваивается универсальный, всемирный, общечеловеческий статус. Этому универсализму и интернациональности анархисты, как и представители других левых доктрин, противопоставляют локальность, «местечковость» традиций, устоев и ценностей, присущих конкретным обществам и цивилизациям. Обвиняя своих «правых» идеологических оппонентов в аморальности, в «следовании злему умыслу» при отстаивании ценностей культурно-исторических общностей. Поэтому русские анархисты видели себя своеобразными «миссионерами всемирного, глобального добра» в борьбе со всем «вселенским злом» в лице исторических государств, традиций, религий, устоев и «прочих заблуждений и предрассудков». Отсюда становится понятной яркая приверженность русских анархистов революционным методам общественных преобразований, ориентация на радикальный слом всей предшествующей «неправильной» и «аморальной» исторической реальности, и укоренное построение на ее обломках нового и счастливого социального идеала для всего человечества. Как отмечал М.А. Бакунин, «мы хотим радикальной и всемирной, одновременно философской, политической, экономической и социальной революции» [28, с. 114].

Идеология анархизма – это яркое, экспрессивное воспевание революции, и одновременно – отрицание, отторжение реформистского пути развития. Высшее «очистительное» значение революции у анархистов – в ее конечном общемировом масштабе, а региональные и

национальные анархические революции рассматриваются ими исключительно как этапы, определенные фазы по дороге к этой глобальной цели. «Социальная революция, - писал М.А. Бакунин, - не может быть одинокою революцией одного народа. Она по существу своему интернациональная» [27, с. 6]. Анархическая революции призвана радикально преодолеть все существующие несправедливости, «злые умыслы» и ошибки, максимально быстро избавиться от прежнего тяжелого «исторического груза» и построить новую и «совершенную» общемировую систему.

В основе революционного учения патриарха русского анархизма М.А. Бакунина лежала концепция «бунта». По его убеждению, склонность не только к иррациональному, но и вполне осмысленному бунту органически присуща каждому индивиду как реакция на несправедливость, на несвободу, стремление к «восстановлению правды». В социальном смысле бунт направлен на осознанное преодоление общественных противоречий и справедливую корректировку существующей реальности, и в этом качестве бунт выступает главной движущей силой человеческого прогресса. Уже «первобытный человек, - отмечал Бакунин, - был одарен ... способностью к протесту, к бунту, к революции» [3, с. 5], что и обусловило качественное прогрессивное отделение человеческого рода от мира животных и его и дальнейшее развитие. Посредством революционной стихии бунта, человек собственно и «начал свою отдельную человеческую историю» [3, с. 9]. Таким образом, именно революция трактовалась Бакуниным как главное, универсальное средство «качественного скачка» человечества к более совершенному, прогрессивному состоянию общества. Уже для своего времени он полагал вполне созревшими предпосылки к революционному переходу от несвободной и несправедливой стадии государственной истории к идеалу глобального анархического общежития. «Социальная революция неотвратима, близка» [10, с. 160] - пророчествовал он.

В свою очередь П.А. Кропоткин рассматривал революцию в качестве неизбежного, и в тоже время необходимого и закономерного этапа в процессах эволюции как в природе, так и в обществе. В эволюционных процессах объективно проявляются какие-то отклонения, различного рода деформации, и главную роль революций он видел в их исправлении, правильной корректировке, называя это «актом справедливости». Поэтому в эволюции закономерно чередуются «мирные», спокойные, и даже застойные этапы, и этапы революционные, взрывные, призванные вносить качественные поправки в ход развития. «За периодами медленного изменения, - отмечал Кропоткин, - следуют неизбежно периоды внезапных ускоренных перемен, которые подготовлены этими медленными изменениями» [21, с. 49-50]. Важный вывод этого русского анархиста для общественной жизни состоял в том, одни реформы, затрагивающие многие болезненные проблемы «только отчасти» [23, с. 41], не в состоянии восполнить необходимость и масштабность тех преобразований, которые объективно «вызревают» в тот или иной исторический момент. «Невозможно что-либо реформировать без того, чтобы не потрясти все» [23, с. 41], - настаивал Кропоткин, и подчеркивал, что подлинные «задатки будущего» [19, с. 31] содержат в себе именно революционные идеи, революционное сознание. По его убеждению, уже в конце XIX – начале XX века проявляются «ростки», видимые предпосылки революционного перехода мира к идеалу анархического коммунизма, например, в факте общественного использования мостов, дорог, музеев, библиотек, в создании и функционировании различных клубов по интересам, всевозможных кооперативов и ассоциаций, научных и страховых обществ, в развитии коммунальной инфраструктуры [21, с. 118]. Сама же анархическая революция, по мнению Кропоткина, при наличии хотя-бы одного ее очага в какой-либо стране (например, во Франции), в течение несколько недель приобретет цепной характер и перекинется в Бельгию, Австрию, Германию, Париже, Великобританию, Россию и т.д. [23, с. 53] по аналогии с европейскими революциями 1848 года [36, с. 137].

Наиболее интенсивную теоретическую и политическую активность русские анархисты проявили в начале XX века. Для России это было время масштабных общественно-политических изменений и революционных потрясений. В этом историческом контексте роль

анархистов была очень заметна, и в революционном движении ярко о себе заявили такие анархические организации, как анархо-синдикалисты, панархисты, хлебовольцы, безначальцы, чернознаменцы и др. Описывая этот период, Я.И. Новомирский настаивал на том, что именно русский анархизм стал авангардом революционных масс [32, с. 246]. Уже после октябрьского переворота 1917 г. нацеленность на мировую революцию у русских анархистов была близка к позиции троцкистов. Так большую популярность в среде отечественных анархистов получила идея «Третьей революции» (в течение 1917 года), как перманентного революционного скачка к качественно новой, уже без государственной стадии развития. Причем принципиальным для анархистов являлось приобретение «мирового масштаба» этого революционного скачка. «Социальная революция, - отмечал в постоктябрьский период теоретик анархо-коммунизма И.С. Блехман (Н. Солнцев), - не должна ограничиться пределами одного или двух государств. Она охватит всю Европу в ближайшем времени, а там против нее не устоит ни Америка, ни полупервобытная Азия, Африка и Австралия» [11, с. 2]. В отличие от многих относительно «умеренных» представителей «левых» политических сил в России – большевиков, эсеров и др., анархисты отличались предельной радикальностью своих революционных идей в плане масштабности, тотальности и скорости реформирования старого мира. Для анархистов весь прежний накопленный человечеством опыт становится «пережитками», и даже, говоря словами М.А. Бакунина, «фетишами» [28, с. 114]. Этот опыт – лишь «ступень отталкивания» для взлета к новым общественным вершинам, к обновленному безгосударственному и творческому бытию. Показательны, в этой связи, революционные установки в таком течении отечественного анархизма начала XX века, как «панархизм». Главные идеологи данного течения братья В.Л. и А.Л. Гордины считали всю прежнюю историю человечества варварской эпохой с печатью повсеместного религиозного и псевдонаучного обмана. Отсюда главной задачей нового революционного поколения молодежи всех стран они считали радикальный отказ от всего, что связано с традициями и прежними общественными устоями как с отжившим «историческим хламом». Гордины призывали «уничтожить предрассудки старших, гнать вон из школы науку, культуру отцов», но «создавать культуру сынов», «творить свою самобытность» [14, с. 56]», «новые общественные строи», новые уклады жизни» [15, с. 3]. Продуктивность этому процессу должно придать сознательное вставание революционной молодежи «вне современных условий» и опора на «утопию» как творческий «проект социального изобретения» [14, с. 58-60].

Заключение

В заключении необходимо отметить следующее: русский анархистский проект «мировой революции» оказался во многом «вторичным» интеллектуальным продуктом. В области общественно-экономической мысли анархизм не смог стать достойным и равноправным оппонентом марксизма. С конца XIX века и в XX столетии марксизм обрел как в российской, так и в мировой науке и политике наибольший авторитет из всех «левых» социальных учений. Марксизм смог предложить строгую, упорядоченную классовую диалектическую теорию исторического развития и формационного движения к международному коммунизму, завоевав широкую популярность и оказав колоссальное влияние на ход политических событий. Анархизм, также являясь учением «прогрессистским» и претендующим на глобальный охват своего социального идеала, остался в «маргинальной нише» среди левых общественно-политических и экономических учений. Усилия даже таких крупных анархистских теоретиков анархизма, как М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин по выстраиванию концептуальной схемы прогресса, не привели к популяризации анархистской версии общественного развития и мировой революции. Достаточно вспомнить, как Бакунин оппонировал формационной теории К. Маркса своим учением об универсальных исторических стадиях «людоедства», «рабства», «крепостного права», «наемного труда» «страшного дня возмездия» и «анархии», а Кропоткин предлагал в противовес теории

классовой борьбы свою интерпретацию прогресса как последовательное усовершенствование общественных форм, воплощающих принцип взаимопомощи.

Явно вторичной выделась и анархистская методология выявления биологической природы социальных процессов по отношению к естественнонаучным теориям XVIII-XIX веков, а также попытка альтернативной интерпретации эволюционного учения Ч. Дарвина - от «борьбы за выживание» к природной склонности людей к солидарности и взаимопомощи, вплоть до создания общемировой анархистской федерации.

Само революционное учение анархистов «страдало» предельным максимализмом, тотальностью, стремлением к ускоренному преодолению всего «ненужного исторического груза» в виде традиций, религий, общественных устоев и ценностей, а также «главного врага» - государства на пути к глобальному идеалу Анархии (хотя в настоящее время политический институт государства не исчез и анализируется политологами на примере «государства-цивилизации» [34]). Постоянная апелляция к аргументам «общечеловеческой» морали - «свободе», «всемирному братству», «справедливости», «равенству» и т.д. в своем обосновании необходимости анархической революции, в реальности оборачивалась идеологическими абстракциями, но заточенными на разрушение сложившейся социальной реальности, общественных институтов, физическое уничтожение оппонентов. Подобные морально-революционные абстракции способны были оказывать влияние на узкую группу «идеологически заточенных» индивидов, на небольшой радикальный срез общества, но не могли мобилизовать широкие слои населения на данную «коренную переделку старого мира» во имя анархического счастья всего человечества. Тем более на практике второй половины XIX - начала XX вв. деятельность анархистов не только в России, но и в Западной Европе и США оборачивалась террористическими актами, «эксами», в целом – деструктивными последствиями для общества.

Характерной особенностью теории анархизма также была ее явная утопичность. Причем саму категорию «утопия» целенаправленно использовали и многие русские идеологи анархизма - М.А. Бакунин, братья Гордины и др., искренне полагая, что в ходе интенсивной «борьбы за умы» людей утопия вполне способна стать реальностью, и идеал глобального анархического общежития обязательно воплотится на практике. Глубоко утопичными выглядят сегодня обоснования и доказательства теоретиков русского анархизма об антиэтатистской природе людей, о тотальной склонности и способности обществ к самоорганизации, «сплошному» самоуправлению, неиерархическому построению международной федерации. Явно утопическим является и воспевание русскими анархистами ценностей «абсолютной свободы личности», готовой исключительно к созидательной деятельности, высшим и органичным проявлением чего и становится мировая анархическая революция.

Литература

1. *Атабекян А.* Основы Земской Финансовой организации без власти и принуждения. - М.: тип. Т-ва Рябушинских, 1918. 15 с.
2. *Бакланов В.И.* О советской модели «реального социализма» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 18-27.
3. *Бакунин М.А.* Бог и государство. - Пг.: Голос труда, 1918. 78 с.
4. *Бакунин М.А.* Воззвание к славянам. - Берлин: Издание Гуго Штейница, 1904. 52 с.
5. *Бакунин М.А.* Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. - М.: Издательство «Правда», 1989. С. 291-526.
6. *Бакунин М.А.* Избранные сочинения: в 5 томах. Т. 4. – Пг. - М.: Книгоиздательство «Голос труда», 1920. 266 с.
7. *Бакунин М.А.* Программа общества международной революции // Михаил Бакунин. 1876-1926: Неизданные материалы и статьи. - М.: Всесоюзн. о-во политич. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1926. 190 с.

8. *Бакунин М.А.* Федерализм, социализм и антитеологизм// Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. - М.: Издательство «Правда», 1989. С. 11-124.
9. *Бердяев Н.А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века// О России и русской философской культуре. Философы послеоктябрьского зарубежья. - М.: Наука, 1990. 528 с.
10. *Боровой А.А.* Бакунин // Михаилу Бакунину (1876-1926). Очерки истории анархического движения в России. - М.: Голос труда, 1926. С. 134-173.
11. Буревестник. 1917. 12 ноября. 4 с.
12. *Ветров И.С.* Анархизм, его теория и практика. - СПб.: Обновление, 1906. 32 с.
13. *Гольдсмит М.И.* Революционный синдикализм и анархизм: Борьба с капиталом и властью. - Пб.; М.: Голос труда, 1920. 127 с.
14. *Гордины бр.* Манифест Анархистов (панархистов). - М.: Малый Секр. Сев. Обл. Союза Анархистов, 1918. 60 с.
15. *Гордины бр.* Социомагия и социотехника, или Общезнахарство и общестроительство. – М.: Первый центр. Социотехникум, 1918. 231 с.
16. *Гроссман-Роцин И.С.* Характеристика творчества П.А. Кропоткина. - Пг.; М.: Голос труда, 1921. 31 с.
17. *Карелин А.А.* Вольная жизнь. - Детройт: издание профсоюза Детройта, 1955. 160 с.
18. *Карелин А.А.* Государство и анархисты. - М.: Бунтарь, 1918. 93. с.
19. *Кропоткин П.А.* Анархическая работа во время революции. - Пг.; М.: Голос труда, 1919. 40 с.
20. *Кропоткин П.А.* Анархия, ее философия, ее идеал: публичная лекция. – Лондон: Изд. группы русских коммунистов-анархистов, 1906. 48 с.
21. *Кропоткин П.А.* Век ожидания: сборник статей. - М.: Голос труда, 1925. 172 с.
22. *Кропоткин П.А.* Государство и его роль в истории. - М.: Моск. федерация анархист. групп, 1917. 63 с.
23. *Кропоткин П.А.* Завоевание хлеба. - СПб.: Изд.-ред. В. Яковенко, 1906. 210 с.
24. *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия. - Пг.; М.: Голос труда, 1920. 316 с.
25. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. 638 с.
26. *Кропоткин П.А.* 1842 27 ноября – 9 декабря 1922: к 80-летию со дня рождения: сборник статей. - М.: Всероссийский обществ. ком. по увековечению памяти П.А. Кропоткина, 1922. 33 с.
27. *Максимов Г.* Беседы с Бакуниным о революции. - Chicago: Дело труда, 1934. 48 с.
28. Материалы для биографии М.А. Бакунина: По архивным делам Б.б. 3-го отд-ния и Мор. М-ва: В 3-х томах. Т. 3. - М.; Л.: Гос. Изд-во, 1928. 602 с.
29. *Матюхин А.В.* Левее левого: ассоциационный анархизм П.Д. Турчанинова// Журнал политических исследований. 2019. Том. 3. № 4. С. 118-126.
30. *Матюхин А.В.* Проект общественного устройства М.А. Бакунина// Журнал политических исследований. 2019. Том. 3. № 2. С. 3.-10.
31. *Матюхин А.В.* Русская анархо-федералистская утопия: «Вольный город» А.А. Карелина// Журнал политических исследований. 2018. Том. 2. № 4. С. 41-47.
32. *Новомирский Я.И.* Анархическое движение в Одессе // Михаилу Бакунину. 1876-1926: Очерки истории анархического движения в России: сборник статей. - М.: Голос труда, 1926. 339 с.
33. *Федорченко С.Н.* Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. – М.: "Проспект", 2023. – 480 с.
34. *Федорченко С.Н.* Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. – 2023. – Т. 7. № 1. – С. 3-26. – DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26.
35. *Черный Л.* Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. - М.: «Самум» Владимирова, 1907. 397 с.
36. *Эльцбахер П.* Сущность анархизма. - СПб.: Типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1907. 239 с.

References

1. Atabekyan A. *Osnovy Zemskoy Finansovoy organizatsii bez vlasti i prinuzhdeniya* [Fundamentals of the Zemstvo Financial organization without power and coercion]. M., tip. T-va Ryabushinskikh Publ., 1918, 15 p.
2. Baklanov V.I. O sovetskoy modeli «real'nogo sotsializma» [About the Soviet model of "real socialism"], *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2023, I. 1, pp. 18-27.
3. Bakunin M.A. *Bog i gosudarstvo* [God and the State]. Pg., Golos truda Publ., 1918, 78 p.
4. Bakunin M.A. *Vozzvanie k slavyanam* [Appeal to Slavs]. Berlin, Izdanie Gugo Shteynitsa Publ., 1904, 52 p.
5. Bakunin M.A. *Gosudarstvennost' i anarkhiya* [Statehood and]. *Bakunin M.A. Filosofiya. Sotsiologiya. Politika.* [Bakunin M. A. Philosophy. Sociology. Policy]. M., Izdatel'stvo «Pravda» Publ, 1989, pp. 291-526.
6. Bakunin M.A. *Izbrannye sochineniya v 5 tomakh* [Selected works in 5 volumes]. V. 4. Pg. M., Knigoizdatel'stvo «Golos truda» Publ., 1920, 266 p.
7. Bakunin M.A. *Programma obshchestva mezhdunarodnoy revolyutsii* [Program of the international revolution]. *Mikhail Bakunin. 1876-1926: Neizdannyye materialy i stat'i* [Mikhail Bakunin. 1876-1926: Unpublished materials and articles]. M., Vsesoyuzn. o-vo politich. katorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ, 1926, 190 p.
8. Bakunin M.A. *Federalizm, sotsializm i antiteologizm* [Federalism, socialism and antitheologism]. *Bakunin M.A. Filosofiya. Sotsiologiya. Politika.* [Bakunin M.A. Philosophy. Sociology. Policy]. M., Izdatel'stvo «Pravda» Publ, 1989, pp. 11-124.
9. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya: Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea: The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century]. *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofyy posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the post-October abroad]. M., Nauka Publ, 1990, 528 p.
10. Borovoy A.A. *Bakunin* [Bakunin]. *Mikhailu Bakuninu (1876-1926). Ocherki istorii anarkhicheskogo dvizheniya v Rossii* [Mikhail Bakunin (1876-1926). Essays on the history of the anarchist movement in Russia]. M., Golos truda Publ, 1926, pp. 134-173.
11. *Burevestnik* [Stormy petrel]. 1917, 12 noyabrya, 4 p.
12. Vetrov I.S. *Anarkhizm, ego teoriya i praktika* [Anarchism, its theory and practice]. St. Petersburg, Obnovlenie Publ, 1906, 32 p.
13. Gol'dsmit M.I. *Revoljutsionnyy sindikalizm i anarkhizm: Bor'ba s kapitalom i vlast'yu* [Revolutionary Syndicalism and Anarchism: The Struggle against Capital and Power]. Pb., M., Golos truda Publ, 1920, 127 p.
14. Gordiny br. *Manifest Anarkhistov (panarkhistov)* [Manifesto of Anarchists (panarchists)]. M., Malyy Sekr. Sev. Obl. Soyuza Anarkhistov Publ, 1918, 60 p.
15. Gordiny br. *Sotsiomagiya i sotsiotekhnika, ili Obshcheznakharstvo i obshchestroitel'stvo* [Sociomagy and sociotechnics, or General medicine and general construction]. M., Pervyy tsentr. Sotsiotekhnikum Publ, 1918, 231 p.
16. Grossman-Roshchin I.S. *Kharakteristika tvorchestva P.A. Kropotkina* [Characteristics of P.A. Kropotkin's creativity]. Pg.; M., Golos truda Publ, 1921. 31 p.
17. Karelin A.A. *Vol'naya zhizn'* [Free life]. Detroit, izdanie profsoyuza Detroyta Publ, 1955, 160 p.
18. Karelin A.A. *Gosudarstvo i anarkhisty* [The State and the anarchists]. M., Buntar' Publ, 1918, 93 p.
19. Kropotkin P.A. *Anarkhicheskaya rabota vo vremya revolyutsii* [Anarchic work during the revolution]. Pg.; M., Golos truda Publ, 1919, 40 p.
20. Kropotkin P.A. *Anarkhiya, ee filosofiya, ee ideal: publichnaya lektsiya* [Anarchy, its philosophy, its ideal: a public lecture]. London, Izd. gruppy russkikh kommunistov-anarkhistov Publ, 1906, 48 p.
21. Kropotkin P.A. *Vek ozhidaniya: sbornik statey* [The century of expectation: a collection of articles]. M., Golos truda Publ, 1925, 172 p.

22. Kropotkin P.A. *Gosudarstvo i ego rol' v istorii* [The state and its role in history]. M., Mosk. federatsiya anarkhist. grupp Publ, 1917. 63 p.
23. Kropotkin P.A. *Zavoevanie khleba* [The Conquest of bread]. St. Petersburg, Izd.-red. V. Yakovenko Publ, 1906, 210 p.
24. Kropotkin P.A. *Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Modern Science and anarchy]. Pg.; M., Golos truda Publ, 1920, 316 p.
25. Kropotkin P.A. *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Bread and freedom. Modern science and anarchy]. M., Pravda Publ, 1990, 638 p.
26. Kropotkin P.A. *1842 27 noyabrya – 9 dekabrya 1922: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya: sbornik statey* [1842 November 27 – December 9, 1922: to the 80th anniversary of his birth: collection of articles]. M., Vserossiyskiy obshchestv. kom. po uvekovecheniyu pamyati P.A. Kropotkina Publ, 1922, 33 p.
27. Maksimov G. *Besedy s Bakuninyim o revolyutsii* [Conversations with Bakunin about the revolution]. Chicago, Delo truda Publ, 1934, 48 p.
28. *Materialy dlya biografii M.A. Bakunina: Po arkhivnym delam B.b. 3-go otd-niya i Mor. M-va, V 3-kh tomakh* [Materials for the biography of M.A. Bakunin: on archival affairs of B.B. of the 3rd department and the Snake. M-i, In 3 volumes]. Vol. 3. - M., L., Gos. Izd-vo Publ, 1928, 602 p.
29. Matyukhin A.V. *Levee levogo: assotsiatsionny anarkhizm P.D. Turchaninova* [To the left of the Left: P.D. Turchaninov's associative anarchism]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Politic Research]. 2019, Vol. 3, I. 4, pp. 118-126.
30. Matyukhin A.V. *Proekt obshchestvennogo ustroystva M.A. Bakunina* [The project of the social structure of M.A. Bakunin]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Politic Research]. 2019, Vol. 3, I. 2, pp. 3-10.
31. Matyukhin A.V. *Russkaya anarkho-federalistskaya utopiya: «Vol'nyy gorod» A.A. Karelina* [Russian anarcho-federalist utopia: «Free city» by A. A. Karelin]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Politic Research]. 2018, Vol. 2, I. 4, pp. 41-47.
32. Novomirskiy Ya.I. *Anarkhicheskoe dvizhenie v Odesse* [Anarchist movement in Odessa]. *Mikhailu Bakuninu. 1876-1926: Ocherki istorii anarkhicheskogo dvizheniya v Rossii: sbornik statey* [Mikhail Bakunin. 1876-1926: Essays on the history of the Anarchist movement in Russia: collection of articles]. M., Golos truda Publ, 1926, 339 p.
33. Fedorchenko S.N. *Vlast' algoritma: tehnologii legitimacii politicheskikh rezhimov v usloviyah cifrovizacii* [The power of the algorithm: technologies for legitimizing political regimes in the context of digitalization], M., "Prospekt" Publ., 2023, 480 p.
34. Fedorchenko S.N. *Gosudarstvo-civilizaciya v cifrovoj ojkumene* [State-civilization in the digital ecumene], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2023, V. 7, I. 1. pp. 3-26, DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26.
35. Chernyy L. *Novoe napravlenie v anarkhizme: assotsiatsionny anarkhizm* [A new direction in anarchism: Association anarchism]. M., «Samum» Vladimirova Publ, 1907, 397 p.
36. El'tsbakher P. *Sushchnost' anarkhizma* [The Essence of anarchism]. St. Petersburg, Tipo-lit. N.L. Nyrkina Publ, 1907, 239 p.